

В ЭТОМ НОМЕРЕ 12 СТРАНИЦ.

РУССКИЕ НОВОСТИ

№ 476

16 JUILLET 1954

Les Nouvelles Russes

Выходит по пятницам

10-й ГОД ИЗДАНИЯ
DIXIÈME ANNÉE.

Tous les vendredis

PRIX DU NUMERO

40 frs

ОСНОВАТЕЛЬ А. Ф. СТУПНИЦКИЙ

Адрес Редакции и Конторы : 16, rue du Croissant — PARIS 2 — Tél.: CEN. 44-27.

Fondateur A. Stoupnitzky

ОБЛИК ЧЕХОВА

(БЕСЕДА С ХУДОЖНИКОМ И. КРАЙТОРОМ)

ВНЕШНИЙ облик Чехова сохранился во многих фотографиях, портретах и зарисовках. Особенно хорошо были известны два его портрета, в свое время изданные в виде гелиографов и разошедшиеся в тысячах экземпляров.

Одна из этих гелиографов была сделана с портрета работы художника Браз. Сам Чехов был им не очень доволен: «Браз изобразил меня каким-то китайским божком», — говорил он. На китайского божка, впрочем, Чехов на этом портрете никак не был похож, но поза и выражение лица действительно придавали ему ту важность, которой он был чужд и которой всячески старался избегать. В одном из своих писем (к А. М. Членову) по поводу этого своего портрета он писал: «На бразовском портрете выражение у меня такое, словно я накануне наелся хрена. Это плохой, ужасно плохой портрет, особенно на фотографии».

Второй портрет, с характерным наклоном головы, считающийся наиболее удачным, был исполнен художником И. Крайтором. Этому же художнику принадлежит и известный двойной портрет Чехова с Толстым, изображающий обоих писателей на террасе дачи в Крыму, в Гаспре.

И. К. Крайтор проживает в настоящее время в Париже, и мы обратились к нему с просьбой рассказать, как он работал над этими портретами, которые останутся ценным памятником для истории русской литературы.

— Прямо не верится, — рассказывает Крайтор, — что прошло более полувека с того дня, когда я впервые встретил А. П. Чехова. Произошла эта встреча в Москве, в художественном магазине Дациаро, на Кузнецком мосту.

Старые москвичи, конечно, хорошо помнят этот магазин. Он был одним из центров художественной жизни столицы. Молодой Дациаро, только что унаследовавший дело от отца, был просвещенный человек, знаток и ценитель искусства. Он предпринял тогда большое дело по популяризации русской живописи, выпуская репродукции картин русских художников из Третьяковской галереи и других музеев в виде открыток и больших гелиографов. Я ему в этом деле помогал, могал.

Чехов тогда появлялся в Москве редко, но в каждый из своих наездов в столицу неизменно заходил к Дациаро, где он мог видеть картины своего друга Левитана, произведения Врубеля, Коровина и др. В тот год, если не ошибаюсь, у Дациаро, как раз происходила посмертная выставка только что скончавшегося Левитана. Вот во время одного из таких посещений я и познакомился впервые с Чеховым. И очень скоро возник вопрос о выпуске Дациаро портрета Антона Павловича.

Надо сказать, что как раз перед этим я выполнял для Дациаро портрет Пирогова (к его девяностолетию). Портрет был выполнен мной по фотографиям и материалам, предоставленным Дациаро родными покойного хирурга, и был признан очень удачным.

Этот успех породил мысль приступить к выпуску портретов замечательных русских людей, и в первую очередь, конечно, Толстого. Его популярность в то время, как раз была подогрета недавним отлучением от церкви. Постоянным посетителем магазина Дациаро был тогда секретарь Толстого, П. А. Сергеенко. Он весьма одобрил мысль об издании портрета Льва Николаевича, но сказал, что о портретовании не может быть и речи: Толстому сейчас не до того. Узнав, как был написан портрет Пирогова, Сергеенко принес мне множество сделанных им фотографических снимков и обещал все же как-нибудь «показать» мне Толстого, хотя бы издали. Он, действительно, посоветовал мне ходить к дому Толстого в Хамовниках и указал, как и где я должен стоять, чтобы мог наблюдать Толстого, когда тот выходил на свою обычную утреннюю прогулку.

Был, впрочем, случай, когда я мог наблюдать Толстого более продолжительное время. Это произошло в музыкальном магазине Юлия Генриха Циммермана, на том же Кузнецком мосту, недалеко от магазина Дациаро. Как-то однажды заведующий этим магазином Эберт позвонил по соседски к Дациаро и

сообщил ему, что к ним в магазин придет сейчас Толстой слушать пианолу — только что появившееся тогда механическое пианино.

Дациаро немедленно сообщил об этом мне.

— Собирайтесь немедленно, — сказал он. — Вот вам случай поглядеть Толстого в непринужденной обстановке.

В концертном зале у Циммермана я, действительно, увидел сидящего Толстого. Он жадно слушал исполнявшиеся пианолой вещи и по лицу его было видно, что он очень доволен. Он и высказывал себе удовольствие после сеанса, и по всему было видно, что это не простые комплименты вежливости.

Когда зашел разговор о портрете Чехова, Антон Павлович охотно дал на издание его свое согласие, а больше всего был озабочен тем, что я могу изобразить его от долгого и утомительного позирования, ограничившись лишь несколькими зарисовками и записями характерных черт с натуры. В остальном мне должна была служить фотография, и тут же было решено, что Антон Павлович специально для портрета снимется у Шенна — знаменитого тогда фотографа на Петровке.

Замечу тут кстати, к сведению тех, кого может удивить такой способ писания портретов, что он не нов. Историки искусства могут подтвердить, что при своих работах не обходились без фотографии ни Крамской, ни Серов, ни Врубель, ни Верещагин, ни Репин, ни Коровин, ни многие другие художники. Да-

же Шишкин для своих лесных пейзажей пользовался фотографией.

С Чеховым у меня была другая памятная встреча. Это было уже много позже за год приблизительно до его смерти. Летом 1903 года московский Художественный театр готовился к постановке «Юлия Цезаря». Для массовых сцен трагедии Шекспира нужны были многочисленные статисты, или, как они тогда назывались в Художественном театре, «сотрудники». Принимались эти сотрудники с большим разбором и для них устраивались труднейшие экзамены, на которых они должны были ходить по сцене, читать монологи — словом, проделывать все, что полагается настоящему актеру.

Я был тогда молод, увлекался театром и, откровенно говоря, считал настоящим своим призванием не живопись, а сцену. Не колеблясь, я подал заявление о желании экзаменоваться и получил вызов на экзамен.

Тут то снова я и увидел Чехова. Он жил в то лето на даче под Москвой и после своего «заточения» в Крыму (как он называл свое пребывание в ялтинском имении, где очень скучал), всячески тянулся в Москву, принимая живое участие в жизни театра. К тому же он уже писал тогда свой «Вишневый сад».

В один из своих приездов в Москву, он присутствовал на приемном экзамене. Помню очень хорошо, как внимательно смотрел он на меня, когда я читал приготовленный мной монолог царя Бориса «Достиг я высшей власти».

Когда на другой день Чехов при-

шел в магазин Дациаро на проехавшую там распродажу этюдов Левитана, он увидел меня и заговорил о вчерашнем экзамене.

— А вы отлично читали наш монолог, молодой человек, — сказал он мне. — Ну что же, вас приняли?

Увы, я должен был признаться, что экзаменаторы, повидимому, не разделяли его мнения о моем чтении: я был забракован. Теперь я этим очень доволен.

Портрет Чехова был издан и сразу стал расходиться в больших количествах экземпляров.

Что касается двойного портрета Чехова с Толстым, то эту мысль подал Сергеенко. Он сообщил об этом Толстому, и тот тотчас же дал свое согласие, выразив при этом свою радость быть запечатленным вместе с Чеховым, которого очень

любил и приравнивал даже к Пушкину в прозе.

Я тотчас же принялся за работу. Персонажи картины были мной уже разработаны, оставалось создать композицию. Темой картины я взял встречу Толстого с Чеховым в Ясной Поляне в 1895 году и в Крыму, в Гаспре, в 1901 и 1902 гг.

Чехов тоже одобрил задуманные мной композиции и обещал даже впоследствии попозировать мне для окончательной отделки картины. Увы, воспользоваться этим обещанием я уже не мог. Чехова не стало.

Так родились те четыре варианта моей картины «Толстой и Чехов», которые получили большую известность. Один из них (тот, репродукция с которого воспроизведена на этой странице) находится до сих пор у меня, другой — мало, чем отличающийся от первого — в Москве, два остальных — в частных руках.

И. Крайтор.

Чехов и Толстой в Гаспре.